

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.01

ПОНЯТИЕ И МЕСТО ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КОНСТРУКЦИИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Евтушенко И. И.

*Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского*

Рассматриваются теоретические и практические вопросы соотношения понятий «объект преступления» и «предмет преступления». На основе изучения истории формирования существующих концепций объекта преступления и подходов к определению места предмета преступления в системе элементов и признаков состава преступления анализируются существующие ошибки в определении признаков предмета преступления. В связи с чем автором излагается собственное представление о месте и значении предмета преступления как в отдельных составах преступлений, так и в теории уголовного права. Обращено внимание на необходимость соблюдения общепринятого подхода к пониманию предмета преступления и его значении при рассмотрении отдельных составов преступления в учебниках по особенной части уголовного права России.

Ключевые слова: объект преступления, предмет преступления, предмет клеветы, предмет взяточничества, предмет преступлений в сфере безопасности компьютерной информации, классическая школа уголовного права.

Вопрос об определении места предмета преступления в конструкции состава преступления только на первый взгляд может показаться сугубо теоретическим, ни имеющим никакого отношения к судебной-следственной практике и проблемам его установления и доказывания.

В теории уголовного права в предыдущие 100 лет концепции объекта и предмета преступления формировались, критиковались, и как следствие, развивались. Однако в последнее десятилетие развитие информационных технологий, появление электронных денег, криптовалюты поставило перед законодателем вопрос о включении этих признаков в конструкции конкретных составов преступлений, сложностей формулировок, а научное сообщество заявляло об отсутствии определений этих явлений как в теории, так и отраслевом законодательстве, или их разночтении.

В свою очередь, у правоприменителей возникают вопросы о механизме ареста криптовалюты, денег на электронных кошельках или абонентских счетах операторов сотовой связи, возможности их конфискации, обращения на них взыскания то ли как предмета преступления, то ли орудия его совершения.

Более того, и в учебной деятельности, при разъяснении понятия объекта и предмета преступления, их отличий от признаков объективной стороны, из года в год мы сталкиваемся с непониманием студентов этих сложных теоретических конструкций, которые имеют прямое отношение к практике применения уголовного закона.

В связи с чем вновь возник вопрос о понятии предмета преступления, его месте в конструкции состава преступления, отграничении от средств или орудий совершения преступления.

Советская школа уголовного права, не смотря на непримиримые дискуссии в определении объекта преступления, в конечном счете пришла к универсальной концепции объекта преступления как общественного отношения, на которое направле-

но преступное деяние и которому в результате причиняется вред (ущерб). Этой концепции придерживались такие ученые как А.Н. Трайнин, Н.Д. Дурманов, Н.И. Загородникова, М.А. Шнайдер, Б.С. Никифоров и другие.

В рамках классической школы советского уголовного права под предметом понималась исключительно вещи материального мира, воздействуя на которые причинялся ущерб общественным отношениям как объекту посягательства. И такой подход представляется довольно универсальным, понятным многим, объяснимым почти во всех случаях.

Критики этого подхода обращали внимание на недостатки такой точки зрения в преступлениях, в которых нет воздействия на какую-либо материальную вещь, например, в устном оскорблении или клевете как преступлении против чести и достоинства, или выдаче государственной тайны либо ее разглашении, когда тайными являются именно сведения, а не сами предметы, например, формула нового ракетного топлива, а не сам образец этого топлива.

Как отмечают авторы учебника «Курс уголовного права в пяти томах» [2, с. 116] при характеристике состава клеветы «по мнению Н.Н. Афанасьева, предмет рассматриваемого преступления являются «заведомо ложные, т.е. не соответствующие действительности, сведения, придуманные самим виновным или основанные на слухах и сплетнях» [11, с. 116]. Такой же точки зрения придерживаются и некоторые иные авторы... Такой вывод противоречит сути предмета преступления. Как считает Н.Ф. Кузнецова, предмет преступления – «это овеществленный элемент материального мира, воздействуя на который виновный осуществляет преступление» [5, с. 210]. Лицо, совершающее рассматриваемое преступление, воздействует на честь и репутацию пострадавшего, а не на клеветнические измышления. Последние – элемент объективной стороны преступления. К тому же Н.Н. Афанасьев упустил из виду, что клеветнические измышления должны носить опорочивающий характер. Клевета и оскорбление относятся к деяниям, не имеющим предмета преступления».

Однако при анализе преступлений, совершенных в сфере компьютерной информации, где основным объектом является безопасность охраняемой законом компьютерной информации, в ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к информации» сама информация признается предметом преступления (хотя она не обладает физическим признаком вещи, в отличие от носителей информации – жестких дисков, флэш-накопителей). Так авторы обращают внимание на то, что «Объектом преступления является информационная безопасность, а предметом – охраняемая законом компьютерная информация... Компьютерная информация представляет собой сведения, содержащиеся на одном из носителей машинной информации (жестком диске типа Винчестер, внешних носителях – накопители на гибких магнитных дисках (дискетах), на кассетных магнитных лентах, на магнитооптических дисках и оптических дисках), которая может передаваться по каналам компьютерной связи и манипулирование этой информацией возможно только с помощью ЭВМ» [3, с. 303-308]. Таким образом, в этом случае предмет преступления характеризует объект посягательства, а не объективную сторону деяния. В то время как в ст. 273 УК РФ – вредоносная компьютерная программа, которая представляет собой тоже определённый набор данных и компьютерных команд (код), также подпадает под признаки информации, но характеризует средство совершения преступления, относясь таким образом к объективной стороне деяния.

Возникают вопросы с определением места предмета коррупционных преступлений, таких как взяточничество и коммерческий подкуп.

В учебнике «Курс уголовного права в пяти томах» отмечается, то «взятка – это материальные ценности, а равно различного рода выгоды или услуги материального характера, незаконно получаемые должностным лицом за использование своих должностных полномочий в интересах дающего... Предметом взятки, согласно ст. 290 УК, являются деньги, ценные бумаги, иное имущество, выгоды имущественного характера» [4, с. 57-58].

Проф. А.И. Парог справедливо обращает внимание на несовершенство текста проекта Пленума ВС РФ 2013 г.: «В большинстве случаев в проекте говорится о получении или даче взятки либо предмете коммерческого подкупа. Тем не менее в п. п. 7, 10, 26, 27, 28 используется словосочетание «предмет взятки», некритично заимствованное из предшествующих Постановлений Пленума Верховного Суда СССР и Верховного Суда РФ. Это словосочетание является тавтологичным. Взятка сама является предметом ее дачи, получения, посредничества во взяточничестве, поэтому своего предмета иметь не может. В упомянутых случаях отмеченное неудачное словосочетание следует заменить словосочетаниями типа «передача (получение) взятки и предмета коммерческого подкупа»; «взятка или предмет коммерческого подкупа могут иметь форму денег, ценных бумаг»; «попытка передать или получить взятку либо предмет коммерческого подкупа» и т.д.» [9, с. 102]. Таким образом, А.И. Парог относит признаки предмета взяточничества к объективной стороне деяния, которые характеризуют по сути средства достижения цели взяткодателя.

Такой же позиции придерживается и Д.А. Семёнов в учебнике «Уголовное право. Особенная часть» при характеристике состава ст. 290 УК РФ. Он указывает, что «обязательным признаком является предмет преступления – взятка, которая может быть выражена в деньгах, ценных бумагах, ином имуществе или выгодах имущественного характера... Взятка как предмет рассматриваемого преступления всегда имеет имущественную природу» [12, с. 629-630], отождествляет понятия «предмет» и «взятка» в том смысле, что сама взятка (деньги, материальные ценности) и есть предмет ст. 290 У РФ.

Действующая редакция Пленума ВС РФ в п. 9 содержит следующие ключевые положения: «Предметом взяточничества (статьи 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ) и коммерческого подкупа (статьи 204, 204.1, 204.2 УК РФ) наряду с деньгами, ценными бумагами, иным имуществом могут быть незаконные оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав. Переданное в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа имущество, оказанные услуги имущественного характера или предоставленные имущественные права должны получить денежную оценку на основании представленных сторонами доказательств, в том числе при необходимости с учетом заключения специалиста или эксперта» [7].

Как видим, и ученые, и судьи Верховного Суда РФ не склонны считать деньги предметом взятки, поскольку сама взятка и есть эти деньги, передаваемые должностному лицу для стимулирования его совершать нужные взяткодателю действия, то есть она относится к деянию и характеризует не объект посягательства – порядок функционирования власти, ее авторитет, – а средство причинения ущерба власти.

Таким образом, при общности подходов в рамках концепции объекта преступления как общественного отношения существуют значительные расхождения в понимании отдельных вопросов учения об объекте преступления и месте предмета преступления в нем.

Авторы учебника «Уголовное право. Общая часть» в целом придерживаясь классической школы «объект преступления – общественные отношения» все же предлагают два существенных уточнения. «Во-первых, предметом преступления являются не только физические тела (артефакты и природные объекты), но и интеллектуальные ценности. Например, разглашая сведения, составляющие государственную тайну (ст. 283 УК), виновный может не воздействовать непосредственно на какую-либо вещь материального мира, а просто предавать соответствующие сведения огласке... Однако в ряде случаев предмет преступления не имеет такой физической природы. Во всех преступлениях, связанных с незаконными действиями в отношении информации, предмет преступления может быть представлен в виде интеллектуальной ценности. Значит, информация может иметь и не овеществленную форму. Предметом этих преступлений является не только документированная информация (документ), т.е. сведения, зафиксированные на материальном носителе, в котором информация находит свое отражение в виде символов, образов, сигналов, полей и т.д., но и любая иная. Поэтому более широкое понимание предмета преступления все чаще встречается в современной литературе не только при анализе конкретных составов преступлений, но и в рамках общего учения об объекте преступления» [10, с. 113].

То есть авторы предлагают расширить понимание предмета не только как овеществленного элемента материального мира, но и некоторых элементов мира идеального. Соглашаясь с ними в этой части, хотелось бы также обратить внимание на то, что такое понимание предмета преступления уже вошло и в текст Уголовного кодекса России в действующей редакции ст. 159 УК РФ, где к предмету преступления отнесены права на чужое имущество, а в п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ – электронные деньги. Длительное время концепция предмета кражи исключительно как материальной вещи расширена и уже практически не отличается от предмета мошенничества, нивелируя тем самым различия в формах хищений.

Далее авторы вышеназванного учебника обращают внимание, что «предмет преступления не всегда является выражением объекта преступления. Таков он тогда, когда совпадает с предметом охраняемого общественного отношения. Однако в ряде случаев предмет преступления не является элементом объекта преступления, так как он не выступает предметом охраняемого законом общественного отношения. Например, при фальшивомонетничестве (ст. 186 УК) предметом преступления являются поддельные (фальшивые) деньги или ценные бумаги, тогда как предметом охраняемых законом отношений в сфере финансовой деятельности государства являются подлинные деньги и ценные бумаги» [10, с. 113]. Однако далее не следует пояснение, куда же его следует относить в таких вот случаях.

В своем научном труде «Учение о преступлении и о составе-преступления» профессор Ю.Е. Пудовочкин [8, с. 49-52] определяя место предмета преступления в конструкции состава преступления приводит в качестве крайних существующие позиции ученых по этому поводу.

В частности, он указывает, что одна группа ученых, придерживаясь концепции «объект преступления – общественные отношения», считает предмет преступления

относящимся исключительно к характеристике такого элемента как объект того самого общественного отношения, на которое и совершено посягательство. В силу этого, предмет присутствует во всех без исключения составах преступления, так как он опосредует воздействие на объект посягательства, только в одних случаях он материален, а в других – нематериален (например, информация). Другая группа ученых настаивает, что предмет всегда только материален, но в зависимости от его роли, может быть признаком как объекта посягательства, когда через него преступник воздействует на объект, а в других случаях, например, если этот предмет изъят из легального оборота – характеризует объективную сторону деяния.

Так, Ю.Е. Пудовочкин приходит к выводу, что предмет – это часть объекта, он не только материален, но им может быть и информация. А в остальных случаях необходимо вести речь о вещах, которые относятся к объективной стороне и являются «орудием» совершения преступления, например, в фальшивомонетничестве.

Возвращаясь к сущности концепции «объект преступления – общественные отношения», отметим, что в теории права принято различать трехчленную конструкцию общественного отношения, которое состоит из: 1) субъектов, в него вступающих; 2) объекта (предмета) правоотношения – то, ради чего субъекты вступают в это правоотношение (имущество, правовое благо); 3) содержание правоотношения, то есть взаимные права и обязанности субъектов, возникающие по поводу и связи со вступлением в эти правоотношения. Также встречается и четырехчленная конструкция, дополняемая юридическим фактом, с наступлением которого указанное правоотношение начинает существовать (действия лиц, события, издание нормативного акта и т.п.).

Если применять указанную конструкцию к преступлениям, то субъектами в данном случае будут выступать, с одной стороны, само государство, общество или отдельные граждане, чьи интересы нарушены действиями преступника, а с другой стороны – сам преступник, который нарушил установленный государством в уголовном кодексе запрет, чем и причинил ущерб защищаемому государством общественному отношению.

Объект или предмет правоотношения в данном контексте начинает совпадать терминологически с объектом преступного посягательства. Поэтому в теории уголовного права еще раньше сложилась концепция общественно значимого блага (интереса) (Н.С. Таганцев), и даже права конкретного субъекта, которому причиняется ущерб в результате преступной деятельности. Авторы этого подхода к определению объекта посягательства выделяли сущностную, а не формально определенную сторону общественного отношения (И.Я. Фойницкий). Соответственно, возник вопрос о месте объекта и предмета преступления в этой концепции. Получалось, что они совпадали, и необходимости их выделять нет. В преступлениях против собственности, именно чужое имущество и является объектом преступного действия, а не предметом посягательства.

Для преодоления возникших противоречий в теории уголовного права стали выделять объект действия (человек в преступлениях против личности, имущество в преступлениях против собственности – то есть элементы материального мира) и объект защиты (защищаемые государством интересы личности, общества или самого государства). В этом случае объект защиты мысленный, абстрактный, например, в пре-

ступлениях против собственности объект действия – это чужое имущество, а объект защиты – порядок распределения материальных благ в государстве.

Такое понимание было категорически осуждено заслуженным деятелем науки РСФСР, членом-корреспондентом АН СССР А.А. Пионтковским в своем учебнике «Курс советского уголовного права» [6, с. 111-130]. Он исходил из понимания объекта преступления как общественного отношения, которое тесным образом связано с материальным понятием преступления, выражающимся в его общественной опасности. Он отмечал, что «непосредственным объектом посягательства при совершении ряда преступлений могут быть не сами общественные отношения, а их элементы: их материальное выражение – при посягательствах на социалистическую и личную собственность, их субъекты – при посягательствах на личность советского гражданина. Это создает необходимость и в теории уголовного права при анализе конкретных составов преступлений специально учитывать непосредственный объект преступления...» [6, с. 116]. Т.е. А.А. Пионтковский не видел необходимости выделения предмета преступления, поскольку он является элементом объекта, а именно непосредственным объектом посягательства. Т.е. сложившееся к настоящему дню деление объектов посягательства по вертикали на общий, родовой, видовой и непосредственный входит в противоречия с утверждением А.А. Пионтковского.

В противовес этому мнению приводится устоявшееся на сегодняшний день представление о различиях предмета посягательства и непосредственного объекта преступления (В.Н. Кудрявцев, Б.С. Никифоров). Г.А. Кригер к предмету посягательства относил практически все элементы правоотношения – его субъектов, их действия, вещи, процессы, таким образом максимально расширяя это понятие [1, с. 123].

Как отмечал А.А. Пионтковский, «резко различая объект преступления и предмет посягательства, сторонники этого взгляда вместе с тем относили рассмотрение вопроса о предмете посягательства к учению об объекте преступления, не раскрывая связи между «объектом» и «предметом» преступления».

Объясняя эту связь сейчас, криминологи говорят, что преступник, непосредственно воздействуя на предмет посягательства и причиняя ему ущерб, таким образом опосредовано причиняет ущерб объекту правовой охраны, например, похищая телефон, ущерб причиняется отношениям собственности (собственник лишается возможности владеть, пользоваться и распоряжаться своим телефоном), установленному порядку распределения материальных благ; а при незаконном обороте оружия – завладевая без контроля государства огнестрельным оружием преступник создает прямую и непосредственную угрозу безопасности неопределенному кругу лиц.

А.А. Пионтковский полагал, что непосредственный объект и есть предмет посягательства. Но о предмете преступления в отличии от объекта можно говорить лишь тогда, когда на предмет не происходит посягательство. Например, при взяточничестве объектом преступления выступают установленный государством порядок осуществления государственной власти, ее авторитет, эффективность государственного управления. А предметом во всех учебных и научных трудах, и даже постановлении Пленума Верховного Суда РФ – материальные ценности, деньги.

В этом случае предмет не характеризует объект посягательства, не опосредует воздействие на него, но выступает средством совершения преступления, а значит относится к характеристике объективной стороны преступления.

В теории уголовного права орудия, средства и способ совершения преступления рассматриваются практически как синонимы, равнозначные величины, играющие в конструкции состава преступления одну и ту же роль. И если орудия совершения преступления всегда материальны, то средства могут и не иметь физического признака, например, вредоносная программа в составе ст. 273 УК РФ. Или, например, при совершении дистанционного мошенничества, средством общения с потерпевшим выступает сотовая связь с преступником, тогда как сам сотовый телефон является орудием совершения преступления, как и цифровая телефонная станция, через которую осуществляется соединение абонентов. Но признаки этих орудий и средств совершения деяния не имеют квалифицирующего значения, поскольку в конструкции ст. 159 УК РФ они не уточняются. А вот в составе статей 175, 186, 204, 290 и ряда других УК РФ они имеют значение, но должны рассматриваться не в характеристике объекта посягательства, а в характеристике объективной стороны преступления, чего мы не нашли ни в одном из приведенных в данном исследовании учебников по Особенной части уголовного права.

В конечном итоге, знания об объекте и предмете посягательства, закрепленные у студентов в ходе изучения Общей части уголовного права благополучно опровергаются при рассмотрении его Особенной части, поскольку подавляющее большинство авторов отдельных глав учебников по Особенной части уголовного права начинают характеристику если не с объекта, то точно с предмета посягательства: во взяточничестве – с денег и иного имущества, в фальшивомонетничестве – с признаков фальшивых денег, а в ст. 273 УК РФ – с характеристики вредоносной компьютерной программы.

Таким образом, мы приходим к выводу, что использование одного и того же слова – «предмет преступления» в зависимости от конкретики деяния имеет разное значение, играет разные роли, а значит есть необходимость использовать иное понятие, позволяющее предмет преступления как признак объекта отделить от предмета преступного посягательства как признака объективной стороны состава преступления. Полагаем, что в последнем случае, речь должна идти не о предмете взяточничества, а об орудиях или средствах его совершения. Это влияет на прямую на определение предмета доказывания в ходе предварительного расследования и рассмотрения дела в суде и потребует внесения уточнения и в научную, и учебную литературу, а также рекомендации судебно-следственной практики.

Список литературы:

1. Кригер Г.А. К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве // Вестник Московского университета. Выпуск 1. М. 1959 г.
2. Курс уголовного права в пяти томах. Том 3. Особенная часть / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002.
3. Курс уголовного права в пяти томах. Том 4. Особенная часть / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002.
4. Курс уголовного права в пяти томах. Том 5. Особенная часть / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002.
5. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. М., 1999.
6. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права (учебник). Т.2. // М., Изд. «Наука», 1970 г.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/
8. Пудовочкин, Ю.Е. Учение о преступлении и о составе преступления [Текст] : учебное пособие / Ю. Е. Пудовочкин, Д. А. Дорогин; ФГБУ ВО РГУП. – М.: Российский гос. ун-т правосудия, 2017.
9. Рарог А.И. Проблемы квалификации взяточничества // Уголовное право, 2013, №5. С. 102

10. Уголовное право. Общая часть: Учебник. Издание второе исправленное и дополненное / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРАМ, 2008.
11. Уголовное право. Особенная часть. М., 1998.
12. Уголовное право. Особенная часть: Учебник. Издание второе исправленное и дополненное / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРАМ, 2008.

Evtushenko I.I. The concept and place of the subject of the crime in the construction of the corpus delicti // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 1. – P. 326–333.

The theoretical and practical issues of the relationship between the concepts of "object of crime" and "subject of crime" are considered. Based on the study of the history of the formation of existing concepts of the object of the crime and approaches to determining the place of the subject of the crime in the system of elements and signs of the corpus delicti, the existing errors in determining the signs of the subject of the crime are analyzed. In this connection, the author presents his own idea of the place and meaning of the subject of the crime both in individual elements of crimes and in the theory of criminal law. Attention is drawn to the need to comply with the generally accepted approach to understanding the subject of a crime and its significance when considering individual elements of a crime in textbooks on a special part of Russian criminal law.

Keywords: object of crime, subject of crime, subject of slander, subject of bribery, subject of crimes in the field of computer information security, classical school of criminal law.

Spisok literatury:

1. Kriger G.A. K voprosu o ponyatii ob"ekta prestupleniya v sovetskom ugovnom pravie // Vestnik Moskovskogo universiteta. Vypusk 1. M. 1959 g.
2. Kurs ugovnogo prava v pyati tomah. Tom 3. Osobennaya chast' / Pod red. N.F. Kuznecovoj, I.M. Tyazhkovoj. M.: Zercalo, 2002.
3. Kurs ugovnogo prava v pyati tomah. Tom 4. Osobennaya chast' / Pod red. N.F. Kuznecovoj, I.M. Tyazhkovoj. M.: Zercalo, 2002.
4. Kurs ugovnogo prava v pyati tomah. Tom 5. Osobennaya chast' / Pod red. N.F. Kuznecovoj, I.M. Tyazhkovoj. M.: Zercalo, 2002.
5. Kurs ugovnogo prava. Obshchaya chast'. T. 1. M., 1999.
6. Piontkovskij A.A. Kurs sovetskogo ugovnogo prava (uchebnik). T.2. // M., Izd. «Nauka», 1970 g.
7. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 09.07.2013 № 24 (red. ot 24.12.2019) «O sudebnoj praktike po delam o vzyatochnichestve i ob inyh korrupcionnyh prestupleniyah» // Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/
8. Pudovochkin, YU.E. Uchenie o prestuplenii i o sostave prestupleniya [Tekst] : uchebnoe posobie / YU. E. Pudovochkin, D. A. Dorogin ; FGBU VO RGUP. - Moskva : Rossijskij gos. un-t pravosudiya, 2017.
9. Rarog A.I. Problemy kvalifikacii vzyatochnichestva // Ugolovnoe pravo, 2013, №5. S. 102
10. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': Uchebnik. Izdanie vtoroie ispravlennoe i dopolnennoe / Pod red. L.V. Inogamovoj-Hegaj, A.I. Raroga, A.I. Chuchaeva. — М.: YUridicheskaya firma «KONTRAKT»: INFRAM, 2008.
11. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'. М., 1998.
12. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast': Uchebnik. Izdanie vtoroie ispravlennoe i dopolnennoe / Pod red. L.V. Inogamovoj-Hegaj, A.I. Raroga, A.I. Chuchaeva. — М.: YUridicheskaya firma «KONTRAKT»: INFRAM, 2008.